

КИТАЙ, 1904-1905: РУССКО-ЯПОНСКОЕ ИДЕЙНО-ПРОПАГАНДИСТСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

ДМИТРИЙ ПАВЛОВ

Империалистическая и захватническая с обеих сторон, русско-японская война 1904-1905 гг. по многим своим параметрам снискала себе славу первой. Современники ожидали, что результатом этого первого крупного военного конфликта наступившего XX в. и эпохи империализма, первого масштабного столкновения европейской великой державы с азиатским государством станет катаклизм общемирового уровня или, как минимум, падение Российской империи и свержение самодержавия, коренная перегруппировка сил на мировой политической арене и появление на Дальнем Востоке новой великой державы. Большинству из этих пророчеств и предчувствий не суждено было сбыться, однако во многих отношениях эта война действительно открыла новую эпоху. Одним из важных составляющих соперничества между Россией и Японией явилось столкновение на информационном и пропагандистском поле, по своим масштабам и напряженности никогда прежде не виданное в мире. Это соперничество было заочным, но чрезвычайно важным для каждой из сторон. Идеи и оценки, высказанные в ходе него, не только формировали отношение мировой общественности к России и Японии и определяли весь международный общественно-политический климат войны 1904-1905 гг., но и имели непосредственное отношение к таким жизненно важным и вполне практическим вопросам, как получение иностранных кредитов, размещение в зарубежных странах военных заказов, помощь в добывании секретных сведений о противнике и т.д.

Русско-японское идейно-пропагандистское соперничество вращалось вокруг таких фундаментальных вопросов, как характер войны для каждой из конфликтующих сторон (часто – исходя из геополитических представлений о роли России и Японии в дальневосточном регионе и в мире в целом или из еще более общих размышлений на тему столкновения «желтого» и «белого» миров), ответственность за ее начало, национальные особенности русских и японцев и степень их «цивилизованности» (в европейском и азиатском смысле), подготовленность к войне армий и флотов и их командования, ход самих военных действий, перспективы войны и изменения в соотношении сил на международной арене по ее итогам. Основными участниками идейной борьбы, разумеется, выступали Япония и Россия, но поскольку «борьба за умы» велась, главным образом, на территории «третьих», нейтральных государств, в это противоборство так или иначе оказались вовлечены государственные и общественные деятели, политики и публицисты многих стран мира. Не-

которые вопросы, поднятые в ходе него, до конца не разрешены в исторической науке по сию пору. Более того, сам характер современных дискуссий историков во многом определен идейными рамками, заданными заочной русско-японской полемикой столетней давности.

В японской историографии существует цикл работ, в которых рассмотрен ход идейно-пропагандистского соперничества Японии и России в США и Западной Европе,¹ однако китайская «страница» этой истории пока остается не известной. Настоящая статья, основанная на материалах тогдашней российской и зарубежной публицистики, а также на документах российских архивов, призвана восполнить данный пробел.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ РАБОТЫ РОССИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ПРОПАГАНДИСТСКОГО АППАРАТОВ

С российской стороны непосредственным участником идейно-пропагандистского соперничества с Японией в Китае выступила специальная секретная служба, так называемая «шанхайская агентура», которая была создана в начале апреля 1904 г. по «высочайшему повелению» и в соответствии с замыслом наместника на Дальнем Востоке. Руководителем этой организации был назначен бывший посол в Сеуле действительный статский советник и камергер А.И. Павлов, в подчинение которого были переданы чиновники Министерства финансов – статский советник Л.Ф. Давыдов, глава шанхайского, а затем пекинского отделения Русско-Китайского банка, и его помощник титулярный советник Л.В. фон Гойер. Сотрудниками секретной службы Павлова также стали бывший российский консул в Чемульпо З.М. Поляновский, генеральный консул в Шанхае К.В. Клейменов и ряд других чиновников МИДа. Центральной задачей шанхайской агентуры был сбор конфиденциальной информации о Японии и Корее. В мае-июне 1904 г. в эти страны ею была направлена группа секретных сотрудников-иностранцев, из которых наиболее успешными оказались французы – инспектор Русско-Китайского банка на Дальнем Востоке Анри Обер (Henry Aubert) и журналист, корреспондент парижской газеты *Figaro* Бале (Balais). Оба они действовали в Японии.

Агентуре камергера Павлова противостоял неофициальный японский «квинтет» в составе генерального консула в Шанхае Масуносукэ Одагири, по характеристике фон Гойера, человека «необыкновенных способностей и редкого образования», представителя военного ведомства полковника Генерального штаба Цуниоси (во время войны его сме-

1 См.: Мацумура М. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904-1905 гг. // *Россия и АТР*. Владивосток, 2002. № 4. С. 63-70, а также ряд публикаций этого же автора на японском языке. Деятельности японского посла в Вене Нобуаки Макино посвятил свою работу доктор Ц. Инано.

нил капитан 1-го ранга Ёситаро Мори), директора крупнейшего в Шанхае страхового общества «Мицуи Буссан Кайся» Ямамото, руководителя местного отделения «Иокогама Специе Банка» Чоо и управляющего шанхайским отделением пароходного общества «Ниппон Юсен Кайся» Хаяси. Чоо и сам Одагири были японцами китайского происхождения, имели репутацию больших «синофилов» и в силу этого пользовались особыми симпатиями и доверием коренного населения; Ямамото приходился Одагири свояком. Вместе они составляли крепко спаянную коллегия, которая руководила сетью тайных информаторов и наблюдательных агентов в Шанхае и переправляла собранные сведения в Токио. В ее руках также находилось негласное руководство иноязычной и китайской прессой в Китае и, таким образом, основная часть всей пропагандистской деятельности Японии в Поднебесной.

Японская пропаганда была хорошо организована, щедро субсидировалась правительством и велась в активной, наступательной манере. Еще в начале января 1904 г. министр иностранных дел барон Дз. Комура предписал послу в Германии К. Иноуэ оказать необходимое воздействие на германскую и австрийскую прессу.² Японские консулы с первых дней войны также активно работали в этом направлении. Но тайным субсидированием газет дело не ограничилось. Вскоре после начала боевых действий член палаты пэров граф К. Канэко и бывший министр внутренних дел барон К. Суэмацу были направлены в США и Великобританию со специальными пропагандистскими миссиями. На страницах западноевропейских и американских газет и журналов регулярно появлялись пространные интервью японских дипломатов, в которых содержались общие характеристики войны на Дальнем Востоке, а события в Маньчжурии получали нужные для Японии освещение и интерпретацию. Японские представители произносили речи на многолюдных митингах и на собраниях различных обществ, читали лекции в университетах и клубах, и содержание этих выступлений также широко освещалось мировой печатью.

Одновременно, если верить российской разведке, Япония стремилась манипулировать действиями крупнейших мировых информационных агентств, причем вся ее зарубежная пропаганда дирижировалась из Токио специальным Бюро прессы во главе с министром иностранных дел. «Всякое известие с театра войны или же относившееся к внутренней жизни России или Японии сперва поступало в это Пресс-бюро, – утверждал фон Гойер. – Там оно цензуровалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в Агентство Рейтер и Associated Press, а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: «*from our own correspondent*» или «*special to the*» (имя газе-

2 Мацумура. Российская пропаганда. С. 65.

ты)».³ Трудно теперь сказать, насколько верны эти сведения, но кое-какие рычаги для воздействия на информационную политику этих корпораций в распоряжении японского правительства, несомненно, имелись. Так, телеграмма агентства Рейтер о намерении Японии в ближайшее время атаковать Порт-Артур, отправленная из Токио 25 января (7 февраля) 1904 г., тут же пришла в Нью-Йорк, но в Петербург передана так и не была.⁴ Корреспондентом Associated Press в Шанхае формально состоял американец Коллингвуд (Collingwood), но фактически первое время им являлся китаец Чао Лингву, редактор газеты *Shanghai Times*, которая субсидировалась здешним японским генеральным консульством. В течение всей войны в Токио находился один из руководителей Associated Press Мартин Иган, который, по мнению русской разведки, служил связующим звеном между этой корпорацией и Бюро прессы. По тем же данным, на пропагандистские цели японское правительство в общей сложности тратило до 10 млн. иен в год.

СОДЕРЖАНИЕ ЯПОНСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

В содержательном плане японская пропаганда была явлением сложным и в решающей степени зависела от ее адресата и «потребителя». В высказываниях, рассчитанных на западноевропейскую или американскую аудиторию, японцы стремились акцентировать общность «новой азиатской» (т.е. японской) и европейской культуры и, исходя из этого, подчеркивали общечеловеческую миссию своей страны в дальневосточном конфликте. «Японцы, – говорил в июне 1904 г. на митинге в лондонском конституционном клубе барон Суэмацу, – сражаются не только для самих себя, но и для того, чтобы выполнить поручение Англии и Америки, в интересах справедливости и человечности».⁵ «Мы, японцы, – писал бывший министр иностранных дел и будущий глава японского кабинета граф Сигэнобу Окума в ноябрьском (1904 г.) номере американского журнала *National Review*, – не можем быть опасны для европейской цивилизации, так как эта цивилизация в то же время является и нашей цивилизацией. Нашей политикой и в наших интересах является защита и распространение этой цивилизации. ... В этой войне поставлена на карту судьба цивилизации и будущее всего мира... Если русские – только полувосточная держава по крови и территории, то они должны считаться чисто восточным народом по своим идеалам. Свобода, конституционное правительство и христианская идея любви и справедливости являются основой нашего общества. Если мы желтая нация по цвету кожи,

3 АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи), ф. 143 [Китайский стол], оп. 491, д. 1424, л. 35.

4 См: *Новое время*. 1904. 18 июля.

5 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Июль (№ 7). С. 460.

то мы совершенно солидарны с белыми в наших сердцах».⁶ В речи, произнесенной на митинге в Токийском земледельческом институте, тот же Окума заявил, что «настоящая борьба является борьбой новейшей, прогрессивной цивилизации Японии, представляющей квинтэссенцию лучших начал Востока и Запада, с отжившим, анахроническим, средневековым монгольским строем России, борьбой японского гуманизма против захватов России».⁷ Итак, для «белого» Запада война на Дальнем Востоке преподносилась как борьба Японии с «монгольским строем России».

Азиатской же аудитории, включая и свою собственную, внушались совершенно иные, во многом противоположные постулаты. «На наше государство, знаменосца азиатской культуры, весь Восток взирает с надеждой, – говорил в августе 1904 г. президент палаты пэров японского парламента принц Ацумаро Коноэ. – Мы чувствуем, что на нас лежит священный долг оказать помощь всем, уповающим на нас: Китаю, Индии, Корее, всякому цивилизованному азиату, и освободить их от Европы. События показывают, что Восток может успешно бороться с Западом».⁸ Пан-азиатские и антиевропейские настроения осознанно насаждались в Корее и Китае; граф Окума писал о нависшей над Азией «белой опасности» в лице «империи московитов». В мае 1904 г. в интервью *Frankfurter Zeitung* неназванный газетой японский дипломат говорил о русско-японской войне как о борьбе двух рас и высказывал уверенность, что этот конфликт «должен открыть новую, славную эпоху в истории восточной Азии».⁹ О характере официальной пропаганды внутри самой Японии и настроениях, которые господствовали в ее армии, можно составить представление по содержанию дневника морского офицера «Нирутака». Этот документ пронизан неприятием всех европейцев, воинствующим великояпонским шовинизмом и пестрит записями такого рода: «Англичане собираются загрести жар нашими руками. Не так-то мы глупы, чтобы этого не замечать, но подождем, сначала вздуем русских, а потом и остальные один за другим дождутся своей очереди» (26 января 1904 г.); «я ненавижу немцев» (2 февраля); «я заранее радуюсь смерти каждого русского, так как ненавижу эту нацию, потому что она одна мешает величию Японии» (6 февраля) и т.д.¹⁰

Во всех случаях, однако, ответственность за начало конфликта японская пропаганда возлагала на Россию. В октябре 1904 г. французская *Matin* опубликовала большое интервью с виконтом Хаяси, послом Япо-

6 Цит. по: Там же. 1904. Ноябрь (№ 11). С. 416-417; *Крымский вестник*. 1904. 29 октября (№ 276).

7 Цит. по: *Новое время*. 1904. 31 декабря (1905. 13 января)(№ 10359).

8 Цит. по: *Русь*. 1904. 9(22) декабря (№ 359).

9 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Июнь (№ 6). С. 886.

10 «Акацуки» перед Порт-Артуром. (Из дневника японского морского офицера Нирутака). Пер. с нем. СПб., 1905. С. 5, 7, 10.

нии в Лондоне. «Неверно, будто Япония рада войне, – заявил посол. – Она ведет войну с чувством сожаления и глубокой печали. Японцы не искали войны. Она была ей навязана, и пока Россия будет продолжать свой образ действий, Япония будет защищаться всеми силами».¹¹ Представление о том, что нападение на русскую тихоокеанскую эскадру без объявления войны не являлось нарушением Японией норм международного права, давно стало традиционным и для японской историографии.

НАСТРОЕНИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Говоря объективно, обстоятельства начала войны, несомненно, заключали в себе большую опасность для имиджа Японии как миролюбивого государства, выполняющего цивилизаторскую миссию в Азии. Несмотря на это, Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане, безусловно, доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести, и многие американские и западноевропейские журналисты, политические и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за начало дальневосточного вооруженного конфликта. Пекинский корреспондент *Times* утверждал, что для «поддержания своего существования» островная империя обязана разбить Россию, а *Daily Mail* в номере от 2 января 1904 г. выразилась еще энергичнее: «Россия должна быть уничтожена. Этот тяжелый мастодонт, готовый проглотить всю Азию, зашел слишком далеко».¹² «Агрессивная политика России, – писал английский журнал *Fortnightly Review*, – столкнулась с Японией, действия которой ... в существе своем оборонительны. Япония ведет национальную борьбу за национальное существование ... и борьба эта безусловно геройская».¹³ В февральском (1904 г.) номере того же журнала британский дипломат под псевдонимом «Calchas», предсказывая победу Японии, называл ее «величайшей победой Востока над Западом». «Россия не может противостоять новой, поистине великой державе, – писал он. – Организация ее государства – инертная масса без энергии, без веры, без надежды».¹⁴

В итоге, первоначально вокруг России сложился весьма неблагоприятный общественно-политический климат. Единственной страной, которая с самого начала выступила в ее поддержку, была Франция. «В посольство поступают массы писем с выражением желания сражаться в рядах русских войск, – сообщал посол А.И. Нелидов в Петербург в фев-

11 Цит. по: *Крымский вестник*. 1904. 2 ноября (№ 280).

12 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Июль (№ 7). С. 455.

13 Цит. по: *Киевлянин*. 1904. 10 апреля (№ 99).

14 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Июль (№ 7). С. 457.

рале 1904 г. – Мы с благодарностью отклоняем. Подписка, открытая Русско-Китайским банком в пользу раненых, дала в три дня несколько десятков тысяч рублей... В провинции начинаются руссофильские демонстрации. Сенат и Палата в огромном большинстве нам сочувственны. На бирже самое благоприятное для нас настроение, доверие к нашим бумагам не поколеблено, они значительно поднялись и поддерживаются».¹⁵ По признанию министра финансов В.Н. Коковцова, за годы войны на «поддержку наших интересов во французской прессе» Россия потратила более миллиона франков.¹⁶

Общественное мнение остального мира оказалось на стороне Японии. «В начале войны симпатии американцев тяготели, бесспорно, к Японии, – признавала позднее *New York Herald*, – ... Благодаря этому, даже вероломное нападение японцев на русский флот до объявления войны не вызвало среди американского населения негодования, которое разразилось бы при других условиях».¹⁷ В начале 1904 г. в Нью-Йорке был популярен анекдот: «Какой самый верный способ попасть в больницу? Выйти на людную улицу и три раза крикнуть «ура!» в честь России». Несмотря на официально объявленный США нейтралитет, в нескольких американских городах, независимо друг от друга, начался сбор пожертвований в пользу японского войска. Газета *Morning Post* сообщала, что в начале февраля 1904 г. в Атланте (штат Джорджия) была открыта подписка для принесения в дар Японии военного судна.¹⁸ 11 июня «американский» японец Гамацу Ито выехал на родину, чтобы торжественно вручить своему правительству несколько сот тысяч долларов, собранных в США в виде пожертвований. Обширные кредиты Японии предоставила Великобритания, в английских азиатских колониях в честь Японии слагались гимны.¹⁹ По свидетельству российского консула в Бомбее, индийские газеты освещали ход дальневосточного конфликта в «явно доброжелательном» для Японии духе.²⁰

15 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 53, л. 37-37 об. – Секретная телеграмма Нелидова в МИД. Париж, 2(15) февраля 1904 г.

16 Русские финансы. 1904-1906 гг. Б.м., б.г. С. 169-170. – Письмо Коковцова Нелидову в Париж. Петербург, 4 марта 1905 г.

17 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Декабрь (№ 12). С. 823.

18 *Русский вестник*. 1904. Ноябрь (№ 11). С. 405.

19 В Калькутте была опубликована «Поэма на русско-японскую войну», которая заканчивалась следующими словами: «Япония! Слава о тебе разносится подобно дикому огню, // Горделивые европейцы перед тобой трепещут, // Ты изумляешь все народы, тебе поклоняется мир, // Великодушная Япония! Хвалы тебе льются отовсюду» (Japan! Thy magnanimity like wild fire spread // The proudest European Powers thee now dead // Thou amazed all, all nations, thee the world adores // Magnanimous Japan! Thy praise like a torrent pours). – Цит. по.: J.N. Westwood, *Russia against Japan. 1904-1905. A New Look at the Russo-Japanese War* (London, 1986), p. 54.

20 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 1. – Секретное донесение консула Клемма в МИД. Бомбей, 4 марта 1904 г. (№ 27).

В результате везде, кроме Франции, в первые месяцы войны пропагандистская деятельность России оказалась малопродуктивной. Весной 1904 г. в лекционное турне по США был направлен предприниматель и публицист князь Э.Э. Ухтомский, но его миссия провалилась – ни в одном из четырех штатов, в которых он побывал, ему не удалось собрать массовой аудитории. Не на много успешнее и дольше функционировало газетное агентство, созданное в Берлине чиновником МИДа тайным советником С.С. Татищевым. Лекция нововременского обозревателя Г.С. Веселитского-Божидаровича («Аргуса») в лондонском Central Asian Society в июне 1904 г. состоялась, но не получила сколько-нибудь заметного общественного отклика: по признанию *Нового времени*, своими рассуждениями на тему о «желтой опасности» он произвел впечатление только на «избранное общество». Прочие российские политики, государственные деятели и дипломаты публично на военные и геополитические темы рассуждать избегали и, глядя на активность их японских коллег, *Новое время* вздыхало: «В последнее время не проходит месяца без того, чтоб в каком-нибудь их виднейших западноевропейских или американских журналов не появилось хотя бы одной статьи японских дипломатов о текущей войне. Правильно оценивая необходимость иметь на своей стороне симпатии европейской публики, эти проворные и деятельные человечки то тут, то там сеют семена презрения, ненависти и осуждения по адресу России».²¹

«Передним краем» идейной борьбы и зоной особой пропагандистской активности России и Японии в 1904-1905 г. стал Китай, главным образом – те иноязычные и китайские газеты, которые издавались в крупнейших китайских городах, в первую очередь – в Пекине и Шанхае. Именно из этого «котла», в котором варилась вся новостная и, во многом, оценочная картина маньчжурской бойни, черпали сведения газеты и информационные агентства многих стран мира. Японцы освоили китайский информационный рынок задолго до конфликта с Россией. «В момент объявления войны, – свидетельствовал фон Гойер, – в Шанхае издавалось шесть китайских, пять английских, одна французская, одна японская газета и одно немецкое еженедельное издание. Из них субсидировались японцами – все пять английских, пять китайских газет ... и японская. Обходилось это японскому правительству приблизительно в 30 тыс. долларов в месяц». «Таким образом, – заключал российский чиновник, – вся печать Шанхая контролировалась японцами до и в начале войны. Если теперь добавить к этому, что то же самое делалось в Гонконге и Тяньцзине с газетами *Hong-Kong Telegraph, China Mail, Hong-Kong Daily Press, China Times, Peking and Tientsin Times* и всей китайской печатью,

21 *Новое время*. 1905. 16(29) января (№ 10358).

то получится полная картина японской деятельности в области прессы».²²

Кроме этого японская пропаганда велась путем распространения книг и брошюр, напечатанных в подконтрольных им китайских издательствах (например, в шанхайском «Commercial Press, Printing and Publishing Society») или завезенных на континент из самой Японии, через просветительские и тайные общества, которые активно действовали в Китае, а также с помощью учеников разведывательных школ. Одна из них работала в Пекине, и ее выпускники, китайцы и японцы, будучи направлены в районы боевых действий, обязывались «вести там специальную японскую пропаганду».²³ «Имею достоверные сведения, – докладывал Павлов в МИД 7 июня 1905 г., – что на днях проехал через Шанхай в Пекин японец Комацу Харахаяшиде, бывший еще до войны одним из главных японских тайных агентов в Маньчжурии и Монголии. Ныне [ему] будто бы поручено организовать в Пекине особенную партию разведчиков и шпионов из числа специально подготовляемых для сего в Пекине молодых японцев и отправиться во главе ее в Кашгар и пограничные с ним местности китайского Туркестана с целью распространения японской политической пропаганды».²⁴ Об этом же министру финансов 6 июня телеграфировал из Пекина и Давыдов, который имя этого японца воспроизвел как «Комацубара Хаяси».

РОССИЙСКАЯ КОНТРПРОПАГАНДА В КИТАЕ

Россия в полномасштабное идейно-пропагандистское соперничество с Японией в Азии вступила с большим опозданием. Осознание необходимости воздействовать на общественное мнение Китая у ее здешних официальных представителей появилось еще в конце 1890-х гг., но дальше недолгого издания очевидно пророссийской и потому маловлиятельной газетки *Говень-бао* в Тяньцзине дело не пошло. Титульным редактором этого издания значился российский подданный, «вольный штурман» А.И. Середин-Сабатин, но фактическим хозяином газеты был военный атташе в Китае полковник К.И. Вогак. В октябре 1902 г. посол в Пекине П.М. Лессар высказал пожелание «подыскать агента-публициста, знакомого с английским языком, который мог бы отвечать на враждебные России статьи, появляющиеся в газетах Дальнего Востока»,²⁵ но на практике в

22 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 31, 33.

23 Софинов П. (ред.) Японский шпионаж в царской России. Сб. док. М., 1944. С. 20. – Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа. 15 сентября 1905 г.

24 Софинов. (ред.) Японский шпионаж. С. 66.

25 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 4 об. – Секретное донесение Лессара в МИД. Пекин, 15 октября 1902 г. (№ 497).

этом направлении ничего сделано не было. В начале 1904 г. вопрос о создании собственной газеты на Востоке обсуждался в Петербурге уже на самом высоком уровне. Министры финансов, иностранных и внутренних дел и сам император единодушно высказались в поддержку такого издания (в России надеялись, что оно будет распространяться не только в Китае, но и «среди населения Индии, Индокитая и вообще на Дальнем Востоке»²⁶), но решение всех практических вопросов было поручено наместнику адмиралу Е.И. Алексееву.

Не дожидаясь указаний из Петербурга, наместник еще в феврале 1904 г. распорядился начать в Пекине издание газеты на китайском языке. Создателем и редактором *Ян-ду-бао* (*Jen Tu Pao*) стал директор местного отделения Русско-Китайского банка надворный советник Д.М. Позднеев, который не только владел китайским языком, но и имел личные связи среди китайских сановников. 16 апреля Алексеев получил «всемиловейшее» разрешение Николая II ассигновать на это издание 15 тыс. мексиканских долларов. Дело пошло, и в штабе наместника стали подумывать об издании такой же газеты в Мукдене. К июлю 1904 г. *Ян-ду-бао* более или менее встала на ноги – сформировался штат ее корреспондентов, были установлены связи с другими городами Китая, появилась собственная типография, газета обрела до 500 постоянных подписчиков, но одно даже вполне успешное издание не могло претендовать на влияние во всем Китае. К тому же с самого начала было ясно, что независимая репутация печатного органа и доверие к нему читателей как «материя» тонкая и деликатная несовместимы с явной политической ангажированностью. Поэтому в дальнейшем тактика пропагандистской работы изменилась, и вместо создания новых, открыто пророссийских печатных органов было решено воспользоваться услугами уже существовавших газет, которые успели создать себе солидную репутацию, имели вес и постоянного читателя. Сотрудничество с ними, разумеется, могло быть только негласным.²⁷

В начале июня 1904 г. наместник одобрил предложение Павлова «войти в секретное соглашение с надежным редактором одной из шанхайских газет, обязать его за известное вознаграждение работать неуклонно по нашему указанию и оставить всю материальную часть предприятия в руках и на ответственности владельца».²⁸ Таким редактором стал ирлан-

26 Там же, л. 3-3 об. – Письмо министра внутренних дел В.К. фон Плеве министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу. Петербург, 23 апреля 1904 г. (№ 4548).

27 Это, кстати, может стать ответом на вопрос профессора М. Мацумура, который считает «непостижимым», что «во внешнеполитической пропаганде, которую проводила Россия» в течение всей войны, «не было активной «прямой пропаганды», бросающейся в глаза». – См.: *Мацумура*. Российская пропаганда. С. 68.

28 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 6. – Секретная телеграмма Алексеева Ламздорфу. Мукден, 4(17) июня 1904 г. (№ 156).

дец Генри О'Ши (Henry O'Shea), владелец *China Gazette*, который, по отзыву Давыдова, считался в Шанхае «наиболее талантливым журналистом». 7(20) июня после долгих переговоров его секретная сделка с Павловым была заключена. За ежемесячную субсидию в 2 500-3 000 мексиканских долларов О'Ши брал на себя обязательство «представлять на утверждение лица, назначенного русским правительством, все статьи, касающиеся нынешней войны ... и вообще всех военных, политических, финансовых, промышленных вопросов, затрагивающих интересы России» и «исключать все то, что будет признано несогласным с таковыми».²⁹ Общее руководство газетой камергер возложил на Поляновского, а затем на фон Гойера, а ее финансово-промышленный отдел поручил наблюдению Давыдова.³⁰

Взаимодействие с ирландским журналистом оказалось весьма успешным и вместо первоначально предположенных полутора лет продолжалось вплоть до конца 1907 г. После заключения сделки с О'Ши негласное «руководительство» дальневосточной прессой «в благоприятном для России смысле» стало одним из ведущих направлений деятельности шанхайской агентуры. Вслед за изменением политических симпатий *China Gazette* число ее подписчиков возросло, «статьи ее, – свидетельствовал фон Гойер, – переводились во многих китайских газетах. Влияние ее на английские и китайские коммерческие классы сказалось ... в антияпонских течениях, охвативших Восток за последнее время и приведших к вполне осязательной реакции против ... необузданной и непонятной «ниппонофилии», эпидемически распространившейся по всему свету».³¹ Росту популярности газеты способствовало и то, что она «питалась» информацией непосредственно из штаба наместника и ее военные корреспонденции отличались оригинальностью и новизной.

Шанхайская агентура большими тиражами печатала и рассылала в парламенты, библиотеки, клубы, редакции журналов и газет многих стран

29 Там же, л. 8. – Секретная телеграмма Павлова в МИД. Шанхай, 7(20) июня 1904 г.

30 «Редактор газеты O'Shea, – сообщал своему министру Давыдов, – до сих пор получал субсидию от японцев в размере \$ 12 000 в год. У него был порядочный штат японцев в редакции, которых он уволил. Это обстоятельство в связи с постепенной переменой направления газеты произвело здесь среди английской колонии порядочный переполох. Sir Robert Bredon, второе после Sir'a Robert'a Hart'a лицо в китайских таможнях, два раза посетил редактора, прося объяснений и уговаривая не уклоняться от принятого пути, но O'Shea, само собою разумеется, дал ему более или менее уклончивые ответы и мотивировал перемену опасностью для всех европейцев в Китае продолжать японофильскую кампанию. Уволенные японцы были приняты немедленно редакцией *North China Daily News*. Все это свидетельствует о сплоченной англо-японской организации». –РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 560 [общая канцелярия министра финансов], оп. 28, д. 288, л. 36. – Секретное донесение Л.Ф. Давыдова министру финансов В.Н. Коковцову. Шанхай, 17(30) июня 1904 г.

31 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 94.

мира сборники статей и речей, брошюры и литографии. На фотографиях были запечатлены сцены расстрела японскими солдатами корейских крестьян, распятых на крестах. Английская подпись под ними гласила: «Утонченный японский призыв к поддержке и сочувствию, обращенный ко всем нациям «желтой угрозы», против европейской цивилизации и особенно христианства. Эти казни были совершены 15 сентября 1904 г. в Сеуле японскими властями. Фотографии сделаны японским фотографом из Чемульпо, где их можно купить за несколько центов».³² В другом издании в английском переводе была напечатана откровенно анти-европейская по содержанию статья из тяньцзиньской газеты *Takung-Pao*. Ее анонимный автор-японец писал об империализме «тевтонской, латинской и славянской рас», обращенном против «цветных» (coloured races), и во имя «великой мечты о Золотом веке и Всемирной империи» звал всех «монголов» (Mongols) к единению.³³ В качестве более действенного и гуманного способа разрешения «глубокого непонимания и антагонизма между Востоком и Западом» в этой же брошюре воспроизводился призыв «Общества по распространению христианства среди китайцев» к просвещению и «христианскому милосердию».³⁴

Судя по газетам, писал фон Гойер, такая пропаганда имела наибольший успех в Австралии, Калифорнии и Британской Колумбии. Вся эта литература также была отпечатана в типографии *China Gazette* и рассылалась от имени ее редакции.

Серьезной удачей шанхайской агентуры стало негласное приобретение *Синь-вень-бао*, популярной китайской газеты, собственником которой был видный китайский сановник Шен (Шенг), банкир, директор железных дорог и, одновременно, японский подданный. Его газета ежедневно расходилась тиражом в 15-17 тыс. экземпляров не только в Среднем Китае, но на севере страны и в долине Янцзы и была популярна, главным образом, среди китайских коммерсантов и чиновников. Соглашение с ней состоялось весной 1905 г. после сложных многомесячных переговоров, которые в интересах конспирации велись не прямо, а через О'Ши. В конце концов, сообщил фон Гойер, «китайских редакторов убедили предоставить нам главные три страницы газеты для печатания наших статей за вознаграждение в 700 долларов за страницу в месяц (3 стр. = 2 100 долл.). Причем программа наша заключалась в том, чтобы отнюдь не защищать русскую политику, а лишь обнаруживать истинные цели Японии по отношению к Корее, Маньчжурии и Китаю. Редакторы с свойственной всем китайцам способностью [к] применимости быстро усвоили себе нашу программу и работали – конечно, под нашим контро-

32 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2985, л. 25.

33 Там же, л. 23а.

34 Там же.

лем через переводчиков – весьма успешно в этом направлении. Многие другие китайские газеты постоянно перепечатывали наши статьи».³⁵

Впрочем, с редакциями других газет столь же удачно взаимоотношения шанхайской агентуры складывались далеко не всегда. Еще в мае 1904 г. Павлову поступило предложение сотрудничества от владельца франкоязычной шанхайской газеты *Echo de Chine*. Соглашение было подписано, и в дальнейшем ее редактору Лемьеру (Lemiere) русская казна выплачивала 500 долларов ежемесячно. Однако, как вынужден был признать сам камергер, *Echo de Chine* «в весьма слабой степени отвечала тем требованиям, которые к ней предъявлялись». К тому же выяснилось, что получаемую субсидию Лемьер целиком присваивал себе, игнорируя интересы других сотрудников и акционеров газеты. По этой ли причине или от «усердия не по разуму», но порой эта газета помещала такие, например, материалы от никогда не существовавшего «собственного корреспондента в Петербурге»: «110 японцев-пленников прибыли в столицу... Когда поезд остановился, толпы бросились к нему и все оспаривали друг у друга честь первым встретить прибывших. Японцы, которым всегда говорили о дикости нашей страны, были поражены. За ними ухаживали, их целовали и все хотели иметь их у себя в гостях. На другой день прибыли 76 раненых японцев... Когда поезд подошел, раздалась команда князя Багратиона [?]: «На колени! Почет раненым! – и вся разношерстная толпа, скрестив руки на груди, пала на колени и шептала молитву».³⁶ В общем, по словам фон Гойера, газета «упорно отказывалась подчиниться нашему близкому контролю и наряду с этим часто помещала статьи и корреспонденции, далеко расходившиеся с нашей основной программой».³⁷ Поэтому прямое субсидирование *Echo de Chine* продолжалось только до 1 января 1905 г. (на будущее было решено ограничиться покупкой 110-ти ее абонементов), а спустя еще год шанхайская агентура прекратила всякие отношения с этой газетой, к тому времени пришедшей в полный упадок. Тогда же судьбу этого французского издания разделила и англоязычная *Shanghai Times*, которая прежде имела крайне враждебное России направление, затем стала субсидироваться Павловым, но в итоге его надежд не оправдала.

В августе 1904 г. Давыдов познакомился с издателем англоязычной газеты *Chefoo Daily News* Мак-Дермидом, который одновременно являлся официальным представителем в Чифу агентств Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и новостного синдиката *Chicago Daily News*. По словам русского чиновника, британский журналист предложил ему «распространять в иностранной печати Европы и Америки известия с театра войны с благоприятною для нас окраскою». Давыдов доложил об этом предложении сво-

35 Там же, д. 1424, л. 96-97.

36 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Декабрь (№ 12). С. 845-846.

37 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 97-98.

ему министру, а тот, в свою очередь, императору. 13(26) августа Николай II одобрил сделанные Министерством финансов «распоряжения»,³⁸ сделка с Мак-Дермидом состоялась и в дальнейшем вполне себя оправдала. За вознаграждение в 10 тыс. мексиканских долларов в год, констатировал министр Коковцов, «наш контрагент весьма добросовестно исполнял принятые на себя обязательства, оказывая на прессу воздействие в благоприятном для нас смысле путем как помещения соответствующих статей в издаваемой им газете, так и отправки телеграмм в Европу и Америку».³⁹ Сотрудничество с Мак-Дермидом продолжалось до 1907 г.

Только в течение полугода после подписания секретного контракта с Давыдовым *Chefoo Daily News* опубликовала несколько сот статей, в которых указывала на многочисленные факты нарушения Японией китайского нейтралитета, на опасность для Европы возможного будущего японо-китайского союза, писала об истязаниях и казнях японцами китайцев и корейцев, заподозренных в шпионаже, сообщала о тяжелом финансовом и экономическом положении самой Японии, об огромных потерях ее армии в ходе осады Порт-Артура и т.д. Состояние же российских дел преподносилось с прямо противоположным «знаком» – одну из рубрик газеты Давыдов так условно и называл: «Финансы России находятся в прекрасном состоянии». Тема «желтой опасности» на страницах *Chefoo Daily News*, естественно, не только не рассматривалась, но и не затрагивалась. «Несмотря на все старания наших недругов», довольно цинично заключал Давыдов, «агент Рейтера и другие корреспонденты сделали свое дело, оправдывая, таким образом, внимание, которое мы оказывали им различными способами, но главным образом, конечно, в виде благодарности, выраженной в мексиканских долларовых банкнотах».⁴⁰

ПЕРЕЛОМ В ОБЩЕСТВЕННЫХ СИМПАТИЯХ ЗАПАДА

Результатом всех этих усилий стало постепенное изменение международного общественно-политического климата войны и зримые подвижки в мировом общественном мнении. Этим изменениям непосредственно предшествовали два важных события – демонстративный отъезд из японской армии иностранных журналистов, недовольных обращением с ними японского командования и качеством предоставляемой им

38 РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 288, л. 56-56 об. – Всеподданнейшая записка Коковцова «О предложении своих услуг корреспондентами телеграфных агентств Рейтера и Associated Press». Петербург, 13 августа 1904 г.

39 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1424, л. 197 об. – Доверительное письмо Коковцова министру иностранных дел А.П. Извольскому. Петербург, 14 июня 1906 г.

40 РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 288, л. 61 об. – Секретное донесение Давыдова Коковцову в Петербург. Пекин, 2(15) сентября 1904 г. (№ 12/356).

информации, и инцидент с миноносцем «Решительный», который получил большой резонанс в мире.

В первых числах августа 1904 г., то есть непосредственно перед ляоянским боем, японские позиции покинули корреспонденты *Times*, *New York Herald*, *Neue Freie Presse*, ряда информационных агентств и вскоре на годичном собрании британского Institute of Journalists в Глазго журналисты заявили формальный протест по поводу поведения в Маньчжурии японских военных властей. Между тем, 10 августа из Порт-Артура в Чифу прибыл миноносец «Решительный», которому удалось вырваться из японской блокады. Согласно международным правилам, китайская администрация тут же приступила к разоружению миноносца, а его команда сошла на берег. Однако на следующий день японцы самовольно вошли в порт, захватили русский корабль и отбуксировали его, причем действовали на нейтральной территории столь вызывающе, что находившийся там китайский адмирал Са был вынужден подать в отставку. Благодаря поддержке иностранных журналистов, этот инцидент получил широкую огласку и весьма невыгодное для Японии освещение. Западное общественное мнение было возмущено, официальные «разъяснения» Токио не подействовали и даже английские и американские государственные деятели и специалисты были вынуждены публично признать, что японцы действовали «неподобающе» и «серьезно нарушили нейтралитет» Китая.⁴¹ Неправовая акция в нейтральном Чифу явилась сильнейшим ударом по международному престижу Японии.

Усилиями шанхайской агентуры осенью 1904 г. деятельным союзником России стал бывший морской офицер Джеймс Арчибальд (J.F.J. Archibald), корреспондент еженедельника *Commerce Weekly*, который был одним из трех иностранных журналистов, прикомандированных к армии Куропаткина. Перед отъездом на родину он сообщил Павлову о намерении совершить лекционное турне по городам США «с целью распространения среди американцев правильных благоприятных для нас представлений о действительном военном и общем положении дел в Маньчжурии». Давыдову Арчибальд обещал опубликовать в американской прессе серию статей о финансовом положении Японии с тем, чтобы «содействовать подрыванию ее кредита».⁴² Получив в Шанхае гонорар (тысячу американских долларов в месяц) и статистические материалы, незадолго перед тем тайно присланные из Японии французом Обером, в октябре 1904 г. американский репортер отбыл в Сан-Франциско. В США его уже ждали российский консул П.М. Казакевич и посол граф А.П.

41 Цит. по: Мацумура. Российская пропаганда. С. 67.

42 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2985, л. 28. – Секретная телеграмма Павлова графу Кассини в Вашингтон. Шанхай, 23 октября 1904 г.; РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 288, л. 108. – Секретная телеграмма Давыдова Коковцову в Петербург. Пекин, 13(26) ноября 1904 г. (№ 196).

Кассини, заранее предупрежденные Павловым. Обещанные американцем публичные лекции состоялись и имели успех: с помощью «волшебного фонаря» Арчибальд демонстрировал снимки, сделанные на русских позициях в Маньчжурии. В *Los Angeles Herald*, *Los Angeles Examiner* и других американских газетах стали появляться его статьи, в которых он писал, что «желтая опасность» заключена «не в Китае или Японии по отдельности, а в реальной угрозе руководства первого второй». «Американцы совершают огромную ошибку», продолжая слепо доверять Японии, подчеркивал Арчибальд.⁴³

Тогда же западный читатель познакомился с впечатлениями американских офицеров, вернувшихся с Дальнего Востока. Те в один голос утверждали, что «японцы дают понять всем и каждому, что их армия и флот непобедимы, и высказывают свои взгляды самым оскорбительным образом». «Победы окончательно вскружили японцам голову, – указывала *New York Herald*. – ... Среди белых всех наций, имеющих с ними дело, у японцев не найдется теперь ни одного друга».⁴⁴ В общем, симпатии к японцам и доверие к их пропаганде оказались всерьез поколеблены. *Times*, которую еще недавно даже другие далеко не «русофильские» английские газеты (*Spectator*) упрекали в чрезмерно «агрессивном, антирусском тоне», стала позволять себе критические высказывания в адрес союзника Великобритании. «О «желтой опасности» заговорила газета *Times*, – радовался А.С. Суворин. – Нам это тем приятнее, что *Новое время* много толковало об этом как в передовых статьях, так и в корреспонденциях».⁴⁵ Тогда же в английской печати вышла лекция «Аргуса», прочитанная им в Лондоне еще в июне, причем предисловие к этой брошюре написал «сам» Маккензи Уоллес, авторитетный и влиятельный журналист, бывший редактор *Times* и главный редактор «Новых томов Британской энциклопедии». «Г. Веселитский, несомненно, способствовал тому, что в Англии стали открывать глаза на японцев, на их виды на Азию и их военные силы», – с удовлетворением заключал по этому поводу издатель *Нового времени*.

Быстро стали меняться оценки и военных событий в Маньчжурии. В свое время первую, февральскую, атаку на Порт-Артур британская печать расценила как блестящую операцию, в которой «японские офицеры выказали себя достойными союза с английским флотом, имеющим величайшие морские традиции во всей истории».⁴⁶ Апрельская стычка на реке Ялу, в которой японцы при пятикратном численном превосходстве потеряли немногим более тысячи, а русские – 3 тыс. человек, дала

43 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2985, л. 11-18. – Вырезки из американских газет.

44 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Декабрь (№ 12). С. 823-824.

45 Суворин А.С. Маленькие письма. DXXXI // *Новое время*. 1904. 30 августа (12 сентября) (№ 10236).

46 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Июль (№ 7). С. 456.

повод *Daily News* говорить о «полноте торжества, сопутствующего операциям японцев». «Широта их замысла, энергии и натиска, сочетание смелости и осторожности обнаруживают такую мощь, которая навсегда запечатлется в летописях мира», – писала тогда эта английская газета.⁴⁷ В начале августа западная печать предвкушала уже «двойную катастрофу русского оружия на Дальнем Востоке – падение Порт-Артура и сокрушительный разгром генерала Куропаткина» (*The Economist*).⁴⁸ Однако падение Порт-Артура тогда не состоялось, а отступление под Ляояном многие газеты прокомментировали как «образцовый маневр» русской армии,⁴⁹ тактика Куропаткина, отметила *Daily Telegraph*, «разрушила все планы Маршала Ойямы». После октябрьской операции на реке Шахэ уже известный нам “Calchas” со страниц *Fortnightly Review* стал упрекать японское командование в недостатке «способности созидать». «Границами их таланта, – писал этот убежденный русофоб, – является то, что может быть выучено, что принадлежит сфере заимствования; где начинается работа созидательной, творческой силы, там японцы пасуют».⁵⁰ *Allgemeine Zeitung* по поводу этих высказываний резонно отметила, что еще каких-то три-четыре месяца назад ничего подобного в английской печати появиться бы не могло. «Очевидно, в Англии начинает охладевать чрезмерное увлечение восточным союзником, – заключала немецкая газета. – Теперь прекрасно сознают, что Япония преследует свои собственные политические цели».⁵¹

К осени 1904 г. в глазах мирового сообщества имидж Японии, созданный в первые месяцы войны, оказался разрушен и даже новый мощный всплеск антироссийских настроений, который произошел в октябре в связи с «гульским инцидентом», уже не имел «японофильской» подоплеки и направленности. В Токио с разочарованием отметили эту перемену в настроениях в мире. Японцы, утверждал в ноябре 1904 г. токийский корреспондент *Times*, «особенно недовольны недоверием англичан

47 Цит. по: *Новое время*. 1904. 14(27) августа (№ 10220).

48 Цит. по: Там же.

49 По данным российской разведки, в Токио операция под Ляояном также не была оценена как безусловно успешная. «Б[але] положительно утверждает, – телеграфировал заместителю Павлов, – что в высших правительственных сферах Японии сильно разочарованы, встревожены результатом ляоянского боя; понимают, что генерал Куропаткин практически сохранил всю свою армию, нанеся японским силам громадный урон». В этом и последующем донесениях французский журналист сообщил, что, по сведениям «верного источника», японское правительство «путем подкупа не только иностранной, но и русской прессы» собирается начать кампанию по дискредитации Куропаткина, чтобы добиться его смещения с поста главнокомандующего. – АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 2979, л. 52, 60, 65 об.-66.

50 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Декабрь (№ 12). С. 843.

51 Цит. по: Там же. С. 844.

к тем отдаленным целям, которые преследуются японской политикой и которые называют «пан-азиатизмом».⁵²

Эти изменения были замечены и по достоинству оценены в Петербурге – конечно, не «вообще», а применительно к конкретным внешнеполитическим акциям и военным интересам России. «Не говоря уже об исключительно благоприятном образе действий союзной нам Франции, – писал министр Ламздорф в конце декабря 1904 г., – нельзя не обратить внимания на существенные услуги, оказанные Германиею как нашему флоту в Тихом океане, так и командированной на Дальний Восток эскадре адмирала Рожественского. Дания, общественное мнение которой было враждебно настроено против России в самом начале ее войны с Япониею, в конце концов изменила свое отношение к нам и всеми зависящими от нее мерами содействовала благополучному проходу наших боевых судов через датские воды, подвергаясь жестоким нападениям со стороны японского правительства. Мадридский кабинет явил немало доказательств вполне дружелюбного отношения к русским судам, посещавшим испанские воды. Греция за все время войны совершенно не придерживается общепринятых правил нейтралитета, оказывая гостеприимство нашему флоту... Наконец, следует упомянуть об удачном исходе всех возникавших за последние месяцы недоразумений наших с союзницей Японии – Англиею, которая, несмотря на острый гульский инцидент, ввиду своевременного сделанных русским правительством заявлений, решилась даже оказать весьма важные услуги нам при проходе 2-й Тихоокеанской эскадры через Суэцкий канал и Красным морем».⁵³

К моменту окончания войны российское военное ведомство через секретную службу Павлова негласно субсидировало в Шанхае четыре газеты – китайскую *Синь-вень-бао*, англоязычные *China Gazette* и *Shanghai Times* и французскую *Echo de Chine*. Кроме того, руководитель шанхайской агентуры ежемесячно выплачивал 500 иен сеульской *Korea Daily News*, а Давыдов продолжал финансировать *Chefoo Daily News*. Общий среднемесячный расход русской казны на эти цели в 1905 г. значительно превышал 8 тыс. рублей. Однако вслед за подписанием мира с Японией Петербург быстро потерял к дальневосточной прессе всякий интерес. В феврале 1906 г. МИД предписал Павлову «ликвидировать дело на месте».⁵⁴ Передав завершение контрактов с газетами консулу Клейменову, камергер выехал в Петербург. К концу 1906 г. Россия субсидировала уже только три периодических издания в Китае (все англоязычные – *China Review* в Тяньцзине, *China Gazette* в Шанхае и *Chefoo Daily News*), на что

52 Цит. по: *Русский вестник*. 1904. Декабрь (№ 12). С. 847.

53 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 63, л. 192 об.-193 об. – Письмо В.Н. Ламздорфа В.Н. Коковцову. Петербург, 23 декабря 1904 г.

54 Там же, д. 1424, л. 164. – Секретная телеграмма Гартвига Павлову в Шанхай. Петербург, 21 февраля 1906 г. (№ 61).

ежемесячно тратила менее 5 тыс. рублей. Первая из этих газет находилась в ведении военного атташе, а остальные «курировал» фон Гойер. К 1909 г. это дело окончательно заглохло, и новому послу в Пекине И.Я. Коростовцу пришлось все начинать с начала – с июня 1910 г. пекинская «общественно-патриотическая газета» *Гунь-лунь жибао* стала тайно получать от русской миссии ежемесячное пособие в 200, а затем и в 400 мексиканских долларов. С конца 1911 г. преемник Коростовца В.Н. Крупенский начал выдавать такую же субсидию Лербергу – издателю франкоязычной *Le Journal de Peking*,⁵⁵ но и эта поддержка вскоре была прекращена.

* * *

Таким образом, наряду с периодической печатью Старого и Нового Света, в 1904-1905 гг. важнейшей «площадкой» идейно-пропагандистского соперничества Японии и России явились китайские и иноязычные газеты, которые выходили в крупнейших городах Китая. Поскольку основные военные события развернулись на территории именно этого государства, материалы здешней печати, как и сообщения представителей мировых информационных агентств в Китае, широко публиковались в газетах всего мира и, таким образом, оказывали существенное влияние на настроения мирового сообщества. Кроме того, и Россия, и Япония имели в Китае собственные секретные службы, в задачу которых в числе прочего входило проведение пропагандистских акций.

Свое наступление в идейно-пропагандистской области Япония начала с первых дней вооруженного конфликта с Россией и вела его широким фронтом, наряду с тайным субсидированием органов печати используя методы открытой и активной пропаганды. В начале войны на мировом информационном «поле» она явно доминировала, с успехом убеждая западное и вообще мировое общественное мнение в том, что подлинным виновником и инициатором войны на Дальнем Востоке являлась противная сторона. Россия вступила в это соперничество с большим опозданием. Ее контрпропаганда в основном велась негласно и неброско, но, несмотря на это, в итоге она оказалась не менее эффективной. Цель российских пропагандистских акций заключалась, главным образом, в том, чтобы разрушить представление о Японии как о миролюбивой стране, уважающей нормы международного права, и о гуманности, цивилизованности и оборонительном характере ее дальневосточной политики, особенно в Корее и Китае. Мотив о «желтой угрозе» присутствовал в публичных выступлениях некоторых российских деятелей, но в правительственной пропаганде занимал отнюдь не более «почетное» место, чем рассуждения японцев перед восточной аудиторией о

55 Там же, л. 297-299 об., 300-303.

«белой опасности» и угрозе азиатским народам со стороны «тевтонской, латинской и славянской рас». Характерное для Японии восприятие дальневосточного конфликта как «столкновение цивилизаций», когда на карту якобы оказалась поставлена судьба человечества и «будущее всего мира», России было совершенно не свойственно. Не приходилось нам сталкиваться и с призывами Петербурга к «новому христианскому крестовому походу против языческой Японии», о которых пишет профессор М. Мацумура.⁵⁶ В конкретных условиях 1904-1905 гг. ни о каком подобном «походе», конечно, не могло быть речи.

Под влиянием российской контрпропаганды к осени 1904 г. почти повсеместное прежде «японофильство» сошло на нет. Даже октябрьский вал антироссийских публикаций в западной печати и всплеск воинственных настроений в Великобритании, которые вызвал обстрел российской эскадрой английских рыбаков в Северном море, не смог вдохнуть в «ниппофилию» новую жизнь. В дальнейшем взаимные подозрительность, раздражение и противоречия между Японией и ее западными союзниками только продолжали нарастать, что, впрочем, не добавило популярности в мире и российской дальневосточной политике. Тем не менее, общественно-политический климат, который сложился к моменту подписания Портсмутского договора, уже коренным образом отличался от настроений, господствовавших в мировом сообществе в первое полугодие военных действий на Дальнем Востоке.

⁵⁶ Мацумура. Российская пропаганда. С. 64.